

Лёгкий ветерок, прошмыгнувший в приоткрытое окно, ласково скользнул по блестящим волосам Цин Юань, встрепенул шёлковые рукава.

— За всю свою долгую жизнь я не взяла ни одного ученика...— Задумчиво заговорила она, пристально глядя на ребёнка перед ней.

Бай Лао затаил дыхание. Он готов был услышать отказ, в конце-концов, кто он такой — безродный мальчишка-слуга. Упёршись взглядом в потёртую деревянную столешницу, он не смел поднять глаз, сминая пальцами ткань штанов на коленях. Конечно, он был готов к отказу, но не к тому, как больно он его ударит.

Цин Юань отчего-то не спешила с ответом. Переведя взгляд к окну, она долго и молча всматривалась в темноту наступающей ночи. Бай Лао снова украдкой зацепился взглядом за сверкающее стекло маленького пузырька перед ним. У Цин Юань не было опыта в наставничестве. Возможно, это подсластило бы пилюлю отказа, мысленно решил для себя Бай Лао.

В тишине потрескивали свечи, но Цин Юань продолжала хранить молчание. Может быть, подумал Бай Лао, оно уже было ответом, и ему давно следовало это понять, благодарно поклониться и больше не высовываться со своего места? Тяжёлая золотая серёжка в его левом ухе звонко бряцнула, когда он вздрогнул от осознания.

Цин Юань была весьма проницательной, и Бай Лао мысленно поблагодарил её за сохранение прямого отказа невысказанным, пророненным каплей яда в бескрайние воды его надежд. Он уже собирался навсегда покинуть этот загадочный дом, как, вдруг, кто-то постучал в дверь.

Цин Юань, несколько не удивившись позднему визитёру, грациозно прошла к двери, впуская в тяжёлый от благовоний воздух немного ночной прохлады.

— Что привело вас ко мне в столь поздний час, генерал?

Ю Линг, которого Бай Лао не видел с тех злополучных событий, пригнулся, слишком смущённо для военного человека, переступая порог. Он приветственно поклонился, держа в руках скромный букет розовых пионов. Бросив быстрый взгляд на притихшего ребёнка, он не спешил начинать разговор.

Цин Юань, проследив за его взглядом, загадочно улыбнулась.

— Вы можете говорить свободно при моём ученике.

Внутри Бай Лао лопнула натянутая струна, а ногти впились в колени. Он испытал такую радость, что готов был выпрыгнуть из собственной одежды.

Ю Линг тихо прочистил горло, неловко застыв у порога с букетом цветов, которые Цин Юань, однако, не спешила принимать. Аккуратно положив на ближайшую полку, генерал статно сложил руки за спиной, расправив плечи.

— Прошу извинить меня за столь неподобающе поздний визит, госпожа Юань, — начал он, — но завтра молодые господа отбывают на длительную ночную охоту. Месяц, может быть, два. Как их сопровождающему, мне следует подготовиться к...всевозможным неприятностям.

— Конечно, генерал, — почтительно отозвалась Цин Юань, отступая вглубь комнаты. — Я соберу всё необходимое, а вы пока располагайтесь. Думаю, чай ещё не успел остыть.

Последнее было сказано с явным намёком. Бай Лао послушно наполнил ещё одну глиняную пиалу, подвинув её к генералу как раз в тот момент, когда он опустил напротив. Ещё в первую их встречу Ю Линг не создавал впечатление разговорчивого человека, сейчас же и вовсе его окутывала аура нелепой неловкости.

— Рад, что у тебя всё хорошо, малец, — сказал он, поднеся дымящуюся чашку к сухим губам.

Бай Лао кивнул. На этом их не успевший начаться диалог и закончился. Цин Юань позвякивала всевозможными склянками в глубине комнаты, иногда что-то шепча под нос, и, несмотря на странную напряжённость, атмосфера всё равно казалась Бай Лао по-своему уютной и успокаивающей.

— Надеюсь увидеть вас в добром здравии по возвращении, генерал.

Цин Юань протянула довольно увесистую сумку и несколько упругих свёртков.

Ю Линг, принимая всё это, почтительно поклонился и улыбнулся. И хотя вид он имел подобающе грозный, улыбка его оказалась мягкой, собрав задорные морщинки в уголках глаз.

— Конечно, госпожа. Хотя, эти несносные мальчишки...

Он хотел сказать что-то ещё, широкая грудь замерла на вдохе, но генерал так ничего и не произнёс. Лишь сжал пальцами ткань сумки. Он бросил печальный взгляд на цветы, так и не удостоенные Цин Юань вниманием, и поклонившись на прощание, спешно покинул дом.

Бай Лао многого не знал о людях, его окружающих. Но, вспоминая Ю Линга в ту злополучную ночь, кольцо его крепких рук, пока он тревожно дремал на лошади, полный сострадания взгляд, одно он знал точно.

— Генерал хороший человек, — уверенно заявил он, уцепившись глазами за розовые пионы. Почему-то вспомнилась Чуньшен в ханьфу такого же цвета, опустившаяся перед никчёмным слугой на колени прямо в разлитой воде.

— В отличие от меня, — глухо отозвалась Цин Юань, снова усаживаясь напротив, проведя кончиком пальца по ободку чашки, недопитой Ю Лингом наполовину.

Пионы продолжали безмолвно и одиноко лежать на полке.

— Моя мать не была хорошей. Она и человеком-то не была. Но мне бы хотелось, чтобы отец любил её, пусть и недолго. Хотелось бы знать, что он умер не просто так.

Цин Юань замерла. Глядя на Бай Лао так просто было забыть, наивно видя перед собой простого ребёнка. По человеческим меркам он был совсем мал, по лисьим тем более. Он не понимал ни одну из своих половин, но проживёт в смятении многие сотни лет, прекрасно понимая людей вокруг — ужасная насмешка судьбы. Цин Юань никогда не брала учеников, но столкнувшись с таким податливым материалом, не смогла отказать себе в удовольствии придать ему форму.

— Знаешь ли ты историю о «Золотой сливе и благородном фениксе»?

Бай Лао погрузился в воспоминания. Единственные тёплые, оставшиеся ему из прошлой жизни в лисьей деревне, когда редкими вечерами все собирались вокруг трескучего костра под сверкающим сотнями звёзд небом и рассказывали истории. Завораживающие женские голоса и красивые сказки о любви. История, упомянутая Цин Юань, конечно, была печальна. Бай Лао слышал её много раз, но каждый из них с замиранием.

Увидев понимание в глазах напротив, Цин Юань продолжила:

— Как именно её рассказывают?

История о «Золотой сливе и благородном фениксе», конечно, была историей о князе этих земель и его трагической, единственной, как говорят, любви.

Князь Фэн У тогда только вступил в права правителя и земли ему достались проблемные, терзаемые бесконечными междоусобными войнами между пустынными кочевниками и подданными правящей семьи. Желая остановить кровопролитие, князь смело отправился на переговоры к вождю, в самое пустынное пекло. Лишь сила духа позволила ему добраться до поселения кочевников; жаркое солнце жгло кожу до сочащихся кровью волдырей, а сознание обманывали бесконечные миражи. Добрался он почти в беспамятстве, упав с коня прямо в жесткий раскалённый песок.

Кочевники были жестоким и упрямым народом и легко могли закончить переговоры, даже не дав им шанса начаться. Но вождь оказался благородным мужчиной в уважаемом возрасте. Сила духа молодого князя впечатлила его. По его приказу Фэн У выходили и позволили рассказать о цели своего визита. Переговоры проходили напряжённо, но вполне могли иметь шанс на успех, не соверши князь роковую ошибку.

У вождя была дочь. Прекрасная Мэйхуа[1], юный цветок под стать своему имени. Именно она ухаживала за князем, пока тот находился в жарком бреду. Они полюбили друг друга и под покровом ночи бежали во дворец. Узнав об этом, вождь пришёл в ярость и отправил погоню, но двум влюблённым всё-таки удалось от них оторваться. Дворец защищался надёжно и мог выстоять под нападками диких кочевников.

Нападения длились несколько месяцев, но влюблённые лишь надеялись, что удастся смягчить вождя, когда он увидит своего новорожденного внука. Ему отправляли тайные послания, но гнев вождя разжигался только сильнее. И вот однажды, спустя всего неделю после рождения наследника, кочевники, собрав все силы, смогли прорвать оборону. Они утопили дворец в крови, в пылу битвы не выжила и Мэйхуа.

Фэн У, убитый, растерзанный горем, подавил восстание, одним ударом снеся вождю голову. И так, желая остановить междоусобицы, он только сильнее разжёг пламя войны. Кочевники утопили в крови всего один дворец, Фэн У утопил в крови целую пустыню. Как оказалось, положить конец войне можно было только учинив бойню.

Потеря горячо любимой женщины сломала юного князя настолько, что, оставшись с младенцем на руках, он не мог даже смотреть на него. Князь возненавидел собственное, дитя, неповинное в чужих грехах, любовь к которому вначале казалась непреложной истиной.

Говорят, именно эта трагедия ожесточила Фэн У настолько, что он стал самым жестоким правителем за всю историю. Жестоким, но не ненавистным. В конце-концов, людям свойственно закрывать глаза на многие ужасные вещи, если причиной их послужила такая безумная и прекрасная любовь.

К концу рассказа Цин Юань усмехнулась. Горько и будто бы устало.

— Чтож, — сказала она, цокнув языком, — доля правды в твоей истории есть. Люди так глупо обожают и превозносят любовь. Но любовь не приносит ничего, кроме страданий и кровотокающих ран. Тебе стоит это запомнить, лисёнок. Действительно, те времена не запятнаны кровью, они ей залиты. Дворцу пришлось сильно постараться, чтобы ни один лишний слух не покинул этих стен, и у них получилось, раз ты знаешь эту историю именно так. В конце-концов, нельзя было опорочить молодого князя, едва занявшего трон. Юг не оправился бы от новой войны. В какой-то степени это было здравым решением. Но истина совсем иная.

Цзинь Мэйхуа, и правда, была дочерью вождя кочевников. Юная и прекрасная, в этом история не лжёт. Но Фэн У...отнюдь не так благороден. Переговоры с кочевниками, действительно, были. Вождь был благоразумен и сам хотел остановить бесконечные войны, а потому принял официальное приглашение князя во дворец. Он взял с собой доверенных лиц и, что и было роковой ошибкой, свою дочь. Мэйхуа пусть и выглядела утончённо, обладала характером, которому позавидовал бы браваый воин. Фэн У, горячий и напористый так сильно её возжелал, что не осталось и шанса заключить мир. Он был готов расправиться с любым, кто встал бы у него на пути, на месте — князю не пристало получать отказ.

Но Мэйхуа оказалась хитрее. Ей удалось убедить отца покинуть дворец, не проливая крови. Кочевники никогда не признавали власти правящей семьи, и Мэйхуа, взращённая в этих идеалах, ненавидела Фэн У, но осталась, добровольно отдав себя врагу для спасения своих родных. Князь, ослеплённый собственным эгом и чувствами, не заметил подвоха. Так, Мэйхуа оказалась в гареме, получив высший титул — Гуйфэй[2] с перспективой стать официальной женой. Не стоит и сомневаться, что, желая от неё наследника, Фэн У не стеснялся проявлять жестокость.

Кочевники, действительно, многие месяцы осаждали дворец. Но лишь для отвода глаз. Как выяснилось позже, Мэйхуа вела тайную переписку с отцом, готовя диверсию. Она лишь просила подождать до рождения ребёнка, ведь как бы она ни ненавидела Фэн У, дитя не было повинно в грехах отца. Материнская любовь — вот, что всегда будет непреложно.

Спустя неделю после рождения наследника всё оказалось кончено. Кочевникам всё-таки не хватило сил. Интриги гуйфэй были раскрыты, и Фэн У пришлось лично казнить её. Пронзить мечом сердце женщины, подарившей ему сына.

— Возможно, он и правда любил её, — со вздохом закончила Цин Юань, — но это была больная любовь, не принёсшая ничего хорошего. Дворцовые стены хранят много тайн, а лжи ещё больше. Здесь другой мир, и любовь в этом мире не значит ничего. Пойми это как можно раньше, лисёнок, ведь жизнь тебе предстоит долгая.

Цин Юань говорила загадками. И не было ясно, пыталась ли она разрушить детскую наивность или в который раз убеждала в чём-то саму себя.

Бай Лао молчал, нерешительно накрыв её руку своей маленькой ладонью.

***

Возвращаясь в покои Чуньшен далеко за полночь, Бай Лао не смог пройти мимо фонтана во внутреннем дворе. Он замер, скрытый тенями острых черепичных крыш.

Фэн Ся расслабленно сидел на каменном бортике, подставив лицо холодному звёздному свету. Он слышал тихие нерешительные шаги, но ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь ресницы слегка всколыхнулись.

Бай Лао успел привыкнуть к его молчаливому присутствию и, вспоминая слова генерала, опечалился, что месяц, может быть, два не сможет его ощущать. Он нащупал маленький пузырьёк в кармане и с лёгким стуком опустил на прохладный, усеянный брызгами камень совсем рядом с чужой рукой. Почтительно поклонился, когда янтарь чужих глаз скользнул по нему из-под полуопущенных ресниц.

«Любовь в этом мире не значит ничего».

Звучало в его голове голосом Цин Юань.

— Удачи, сяньшен[3].

Говорил он, склоняя голову, звеня тяжёлой золотой серёжкой и поднимая глаза прежде, чем продолжить свой путь.

Комментарии и примечания:

[1] В древнем Китае мэйхуа (дикая слива) была одним из популярных символов. Она олицетворяла трудолюбие и твёрдую волю, начинала цвести в суровую зимнюю пору, когда другие цветы прятались от холода и ждали наступления весны. (да, я позволила себе сделать это полноценным именем).

[2] Гуйфэй — драгоценная — высший титул в гареме после официальной жены.

[3] Сяньшен — господин — вежливый титул в китайском этикете.

<http://bllate.org/book/14934/1323633>